

ИЗ ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ УЧЕНИЙ**ТЕОРИЯ "РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА": ИСТОКИ,
СОДЕРЖАНИЕ И СОВРЕМЕННЫЕ
ИНТЕРПРЕТАЦИИ.****Сабенникова И.В.**

В современных идеологических дискуссиях проблема социализма, казалось бы снятая всей логикой современного развития, вновь приобретает актуальное значение. Выступая с критикой либеральных реформ, адепты этой доктрины отстаивают особый вариант национального или истинно-русского социализма, призванного дать новый синтез данного социального учения и исторической специфики России. При этом игнорируется тот факт, что подобная попытка уже имела место в истории русской социальной мысли, получив выражение в теории "русского социализма" Герцена, ставшей философским обоснованием народничества, а в известной степени и русского марксизма. Для этой теории было свойственно парадоксальное сочетание предельно трезвого взгляда на объективное положение страны - констатация отсталости традиционалистского аграрного общества, с одной стороны, и крайне утопическая программа выхода из кризиса путем социальной революции, с другой. Объективное содержание теории "русского социализма" состояло в стремлении радикальной интеллигенции перепрыгнуть целую историческую эпоху буржуазного развития, переведя общество от крепостного права к социализму и коммунизму. Понятно, что ключевую роль в осуществлении этого плана радикальной модернизации должно было играть насилие, становящееся неотъемлемой чертой романтически мыслящей революционной элиты - от народников до большевиков и их современных последователей. Автор ставит своей задачей рассмотреть генезис этого мирозерцания исходя из специфики социального положения интеллигенции в модернизирующемся обществе, рецепции западных философских и социалистических доктрин эпохи промышленного капитализма, специфики постановки и разрешения социального вопроса в России эпохи отмены крепостного права. Это дает возможность понять причины устойчивого воспроизводства доктрины "русского социализма", лежащей в основе всех утопических проектов революционного переустройства русского общества вплоть до нашего времени.

* Статья рекомендуется в качестве учебного материала по курсам: истории социологии, истории социологии России и политической социологии.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

При рассмотрении проблемы необходимо прежде всего определить смысл самого понятия "интеллигенция" и установить суть основных различий его трактовки (1). Они сводятся к двум основным подходам, один из которых выдвигает социальный (классовый) критерий выделения данного социального слоя, другой - функциональный, основанный на устойчивой потребности общества в разработке стратегии социальных изменений. Для первого подхода общим является представление об интеллигенции как общественном слое людей, профессионально занимающемся умственным трудом, неоднородном по своему составу и принадлежащем к различным общественным классам, интересы которых интеллигенция осмысливает и выражает. Для другого подхода первостепенное значение имеет социальная функция интеллигенции, предстающей как своеобразная интеллектуальная элита общества, в задачу которой входит поиск выхода из социального кризиса традиционалистского общества.

Споры об интеллигенции в XX в. носили столь острый характер именно потому, что были связаны с выбором социальной стратегии, а также концепцией места самой интеллигенции в этом процессе. Ряд радикальных мыслителей (как Г.Маркузе, Э.Фромм, Ж.-П.Сартр), отрицавших современное буржуазное общество, видели выход из кризиса в его духовном совершенствовании под влиянием интеллектуалов. Очевидна преемственность этих взглядов с идеями Ф.М.Достоевского, Л.Н.Толстого, других русских писателей XIX в. Отметим в этой связи, что и сам термин интеллигенция получил распространение благодаря П.Д.Боборыкину в 60-е годы прошлого века и с тех пор вошел во все языки как обозначение специфически русского феномена. Интересна и другая характерная тенденция: многие современные концепции интеллигенции в западной науке представляют собой не что иное как воспроизведение идей русских дореволюционных историков, напр., Р.В.Иванова-Разумника, В.Я.Богучарского, Д.С.Мережковского и др. (2). В трактовке ряда конкретных этапов и персоналий прослеживается несомненное влияние веховских традиций, для которых типично преимущественное внимание к духовной жизни интеллигенции.

Для целей настоящего исследования целесообразно рассмотреть два аспекта проблемы: во-первых, специфику формирования, развития и положения в обществе интеллигенции как особого социального слоя, выступающего за его радикальную трансформацию и, во-вторых, роль интеллигенции в революционном движении. Это позволит ответить на вопрос о социальной природе политического радикализма, ставшего основой особой философскополитической парадигмы "русского социализма".

Процесс формирования интеллигенции в России связан с развитием дворянства. Проблема состоит в том, каким образом в процессе дворянской сословной консолидации образуются предпосылки для появления еще одного, нового слоя - интеллигенции. Начало этого процесса, как показал А.Н.Медушевский, связано с переходом от традиционалистского общества к обществу нового времени, его быстрой модернизацией, важнейшим результатом которой стала консолидация дворянства в новый правящий класс Российской империи в ходе утверждения абсолютизма (3). В ходе реформ государственного строя в петровскую эпоху особенно ощутимой стала потребность в квалифицированных специалистах как по вопросам государственного управления, так и по военным вопросам. Реформы церкви, создание новых школ, системы образования, процесс становления национального самосознания - все это сделало петровскую эпоху переломным периодом в истории русской культуры. К этому следует добавить процесс

рационализации науки и жизни, дополняемый европеизацией во многих областях. Все эти особенности петровской эпохи делают ее начальным этапом становления русской интеллигенции. Суммируя различные точки зрения по этой проблеме датский историк Х.Баггер отмечал: "Создается впечатление, что у ученых, стремящихся дать этим преобразованиям всеобъемлющую оценку, общим является мнение о петровских реформах как об эпохальном перевороте в истории культуры России, а о годах правления Петра I - как о периоде властного вторжения в русскую действительность новой системы ценностей или новой культуры, именуемой ими "новой русской культурой" или "культурой молодой России"(4).

Современная наука в то же время вполне принимает тезис государственной школы о времени Петра как эпохе закрепощения дворянства: оно обязано было нести службу государству и только в этом случае имело право на пользование своими привилегиями. Это был (благодаря Табели о рангах) достаточно открытый класс, социальная мобильность в который обуславливалась профессиональными качествами служебной годности. Образование, следовательно, само становилось службой и критерием продвижения в чиновной иерархии. Дворянство должно было учиться для несения службы. Интеллигенция стала слоем, обслуживающим этот процесс и выражающим его. Она, можно сказать, создавалась государством сверху, им поддерживалась и имела смысл лишь постольку, поскольку была нужна государству. В связи с этим заслуживает внимания процесс адаптации дворянства к новым условиям, выразившийся в посылках молодых дворян на учение за границу, принудительном обучении дворянских детей в школах с последующим принудительным же поступлением их на военную или гражданскую службу. Параллельно с этим идет процесс создания нового мышления - новых норм и форм восприятия действительности, позволявших отказаться от традиционных воззрений, освободиться от религиозных и социально-политических предрассудков прошлого. В связи с этим можно констатировать перелом в национальном самосознании, который явился продуктом реформ и в то же время сам вел к реформам, порождая потребность в развитии интеллигенции (5). С некоторыми отступлениями процесс этот продолжался и в последующую эпоху.

Следующим важнейшим этапом развития интеллигенции явилась эпоха Екатерины II. Суть происходящих в этот период изменений состоит в начавшемся процессе гражданского раскрепощения сословий государством. Первым было освобождено от обязательного несения сословных повинностей дворянство, что позволило ему, а точнее - дворянской аристократии больше времени уделять образованию (6). Как показано в ряде специальных исследований по этой проблеме (П.Дьюкса, Р.Джонса, И.Мадарьяги), с развитием дворянства в правящий класс у него все более появлялась тяга к новым ценностям, образованию, путешествиям, изучению иностранных языков (7). В связи с тем, что дворянство стремилось обособиться от остальной массы населения, для него стал характерен особый стиль жизни, увлечение западными (прежде всего французскими) стандартами жизни и ценностями. Европеизация как социальный процесс получила в этих условиях еще большее развитие. Все эти процессы стали предметом подробного изложения в ряде исследований, лучшим из которых продолжает оставаться книга известного американского историка русского происхождения М.Раева - "Происхождение русской интеллигенции" (8). Русская интеллигенция рассматривается в ней как самостоятельный социальный слой, выделившийся из дворянства, хотя автор допускает и другие источники комплектования интеллигенции. Формирование самосознания интеллигенции связывается с преобразованиями Екатерины II. Эпоха Просвещения и Просвещенного абсолютизма стала источником и условием появления идей, норм и ценностей, на которых вырастала интеллигенция, она

способствовала выработке тех гуманитарных принципов, которые так близки и понятны современной интеллигенции. Правовые реформы Просвещенного абсолютизма, созыв Уложенной комиссии, расширение местного самоуправления, введение свободы печати и слова (до Пугачевского восстания) - все это способствовало развитию гражданского сознания мыслящих людей эпохи. Анализ материалов печатных изданий - газет и журналов, других источников, показывает, что именно в этот период в сознание просвещенной части общества входят такие либеральные принципы, как представление о свободе самовыражения, совести, печати, свободе открыто и независимо выражать свое мнение о политических правах (9). Анализ хода дебатов в Уложенной комиссии показывает, что они имели острый характер, касаясь самых злободневных проблем своего времени, прежде всего - крестьянского вопроса, ведя к противоположным позициям (от воззрений демократа Коробьина до защитника крепостного права М.М.Щербатова). В этой связи особое внимание следует уделить Наказу Екатерины II, в котором (пусть чисто декларативно) были все же выражены наиболее передовые для того времени идеалы просветителей.

Оформлению интеллигенции в особый социальный слой, противостоящий государству, способствовало осознание социального конфликта, возникшее именно в эпоху Просвещения. Противоречие между декларируемыми принципами и реальной практикой управления, как известно, проявилось наиболее четко в поисках решения крестьянского вопроса. Можно констатировать, что именно крестьянский или, шире,- аграрный вопрос стал той отправной точкой, от которой ведет свое происхождение последующая традиция дискуссий о социальном вопросе в России. Первым признаком раскола государства и интеллигенции поэтому стала проблема крепостного права и попытки ее решения путем реформ сверху. Вопреки упрощенной трактовке этого вопроса в предшествующей отечественной историографии, сводившей дело к нежеланию классового государства решить крестьянский вопрос, следует отметить, что первые попытки его решения исходили именно от государства. Как показано в старой историографии (напр., трудах Г.В.Вернадского), а также ряде новых западных исследований (П.Дьюкс), Екатерина II до своего вступления на престол и в самом начале правления имела вполне определенные намерения если не отменить крепостное право окончательно, то во всяком случае значительно ослабить его. Уложенная комиссия 1767 г. явилась для нее своеобразной проверкой готовности страны к проведению этой радикальной реформы. Этим объясняются, в частности, многие положения Наказа в Уложенную комиссию самой императрицы, в котором (особенно в первоначальном варианте) вполне четко были выражены идеи о несовместимости рабства и Просвещения, а также проведено ослабление цензуры, позволявшее гласно обсуждать многие острые вопросы, в том числе - крепостное право. Однако опыт Уложенной комиссии оказался неудачен: он показал неготовность страны к принятию нововведений. Крестьянство, несмотря на глухое недовольство, было пассивно и не осознавало четко своих нужд, а все другие классы или сословия - прежде всего дворянство и купечество - были настроены вполне консервативно. Выступив против могущественного дворянства и прежде всего аристократии, которая была опорой трона и возвела ее на престол, Екатерина оказывалась в политическом вакууме: неизбежно возникала угроза дворцового переворота. Будучи рациональным политическим деятелем, Екатерина вынуждена была оставить идею реформы. Вспыхнувшее вскоре восстание Пугачева окончательно похоронило эти идеи, поскольку привело к переориентации правительственного курса, поиску им поддержки со стороны правящего сословия против мятежного крестьянства. Вместе с тем Екатерина стремилась и далее проводить свою

политику, готовя почву для реформ в будущем. Это находило выражение в ее культурной политике, отношении к интеллигенции. Это отношение однако резко изменилось, когда выяснилась объективная невозможность осуществления программы либеральных реформ в традиционалистском обществе.

Отметим, что в современной науке продолжается спор о том, в какой мере для России XVIII в. вообще применимы сами понятия Просвещения и Просвещенного абсолютизма, однако все согласны с тем, что в лице своих наиболее известных мыслителей Россия принадлежала к странам, охваченным влиянием просветительской идеологии. В условиях России она получала наиболее радикальное толкование (10).

Конфликт государства и интеллигенции, наметившийся в эпоху Просвещения, нашел выражение в новом явлении - оппозиционной публицистике. Восприняв идеи Просвещения и его ведущих представителей (Вольтера, Руссо, Монтескье), русские просветители подвергли существующий политический строй резкой критике именно за неспособность разрешить крестьянский вопрос. Подобно французским мыслителям того же времени они выступали не столько с продуманной программой социальных преобразований, сколько с чисто абстрактным осуждением существующих порядков, руководствуясь при этом идеалистическими представлениями о разумной природе человека. Это позволило современному исследователю назвать их "моральными идеалистами" и увидеть в их выступлении зерно последующего радикализма русской интеллигенции (11). В перспективе последующего радикализма русской интеллигенции особенно информативно сравнение позиций таких ранних ее представителей как Н.И.Новиков и А.Н.Радищев.

Формирование социально-политических воззрений радикальной интеллигенции отражает, с одной стороны, осознание кризиса русского общества в условиях эрозии крепостного права, а с другой, - мощное идейное влияние Французской революции. На пересечении этих двух тенденций происходит рождение русского радикализма, представленного Н.И.Новиковым и А.Н.Радищевым, а затем последовательно - декабристами, народниками и марксистами. Важнейшим представителем русского Просвещения, вызывающим особое внимание современной науки, является Новиков - просветитель, противник крепостного права, фактический основатель оппозиционной правительству печати и одновременно видный деятель масонства. Новиков рассматривается как "представитель общеевропейского Просвещения, который открыл и вдохновил новое поколение писателей", "отец-основатель русской интеллигенции", а также как "фрондирующий публицист" (12). Несмотря на некоторые оговорки о специфике проявления идеологии Просвещения в России, современные исследователи признают принадлежность этого мыслителя к широкому идейному течению позднего Просвещения: он выступает как активный деятель, руководствующийся личным моральным императивом, сочетающий практический смысл бизнесмена и идеалистические социальные устремления. Разделяя принципы Просвещения, Новиков выступал критиком социальных и политических порядков Российской империи. В то же время он был одним из первых, кто выступил против внешнего галломанства правящего класса - бездумного подражания Западу и в этом смысле может рассматриваться как предшественник славянофилов (13). В целом Новиков рассматривается как представитель "умеренного Просвещения", ориентированного скорее на Англию и Германию, нежели на революционную Францию.

Радикальная трактовка Просвещения представлена другим мыслителем - Радищевым. Практически все авторы, писавшие о формировании воззрений

Радищева - Ф.Вентури, В.Страда, А.Ярмолинский, - подчеркивают значение в этом отношении ряда принципов Просвещения (14). Радищев, в частности, усвоил идею Гельвеция о преобладающем значении общества над индивидом, "общей воли" над частными интересами, о возможности пожертвовать последними ради первых. Данная идея приводила к мысли о возможности решения крупных социальных противоречий революционным путем, стремлению к активному изменению окружающей социальной действительности (15). Восприятие Радищевым Просвещения не ограничивается однако учениями французских философов, а представляет собой скорее тот общий фон, на котором строились его революционные принципы. Обращает на себя внимание, в частности, интерес к античному политическому наследию, республиканским порядкам Греции и Рима. Критика Радищевым современного общества охватывала не только крепостное право в России, но и рабство в Америке, пороки западноевропейского индустриализма. Она велась с позиций разума и естественного права, но не ограничивалась чисто философским подходом, становясь введением к оригинальной социально-политической программе. Социальный характер и историческое значение воззрений Радищева оцениваются неоднозначно. Если для одних его теории есть признак кризиса эпохи Просвещения в России, то для других они представляют, по выражению А.Валицкого, "кульминацию Просвещения в России"(16). Одни исследователи подчеркивают их идеализм, оторванность от жизни, полную устремленность в будущее и в этом отношении усматривают их важность для последующей революционной мысли. Другие, отмечая известный идеализм Радищева и влияние на него западной философии, подчеркивают, что он нашел свой собственный путь (17).

Третий этап развития русской интеллигенции приходится на первую половину XIX в. и совпадает с началом революционного движения. Логически этот этап подразделяется на три периода, каждый из которых связан с существенными сдвигами в постановке и решении социального вопроса. Первый период ознаменовался Отечественной войной 1812 г., связанным с ней ростом национального самосознания и восстанием декабристов 1825 г. как его кульминационной точкой. Второй период характеризовался усилением консервативности режима и в то же время увеличением разночинной интеллигенции, появлением интеллектуальных кружков в 30-40-х гг., ставящих своей задачей изучение немецкой философии (18). Наконец, третий период 50-х гг. был отмечен революционной деятельностью Герцена за границей и началом работы Вольной Русской типографии в Лондоне. Его завершает появление особой теоретической концепции - теории "русского социализма", ставшей основой всего последующего революционного движения интеллигенции.

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ.

Проблема отношений общества и государства России характеризовалась развитием социального конфликта, суть которого составляло неприятие крепостного права, а политическим выражением становилась оппозиционная интеллигенция. Положение интеллигенции было особенно неустойчивым. Находясь между народными массами, с одной стороны, и государством - с другой, интеллигенция не находила понимания ни в одной из этих сфер, была обречена на пассивное созерцание или на деструктивный протест против существующей системы (19). Это нашло выражение в идейной сфере или собственно в идеализме интеллигенции, ее склонности к отвлеченным представлениям утопического характера. Изучение интеллигенции поэтому - это прежде всего изучение идей и

идеологов, направлявших свое поколение мыслящих современников по определенному пути действия, будь то аристократическая фронда, заговор, попытка офицерского переворота, или создание студенческих кружков, или, наконец, хождение в народ. Последним выражением этой логики стала идея о внесении в народ пролетарского сознания с целью совершения социально-политической революции. В центре внимания - те руководящие идеи, которые разрабатывались в интеллигентских сферах, философские и социально-политические доктрины, взятые русскими радикалами из-за границы. Еще Т.Масарик в известном труде - "Дух России" обращал внимание на мессианский, почти религиозный характер русской интеллигенции, рассматривая ее идеализм как одну из характерных особенностей всего русского национального самосознания (20). В этой перспективе он интерпретировал формирование взглядов декабристов, философские и религиозные воззрения Чаадаева, Н.В.Гоголя и А.И.Герцена, их отношение к В.Г.Белинскому и вообще радикальной интеллигенции. Этот анализ привел его к выводам, сходным с теми, к которым пришли авторы сборника "Вехи", в частности, Н.А.Бердяев, С.Н.Булгаков и Б.А.Кистяковский (21). Данная постановка вопроса также близка дискуссиям XX в. об отчуждении интеллигенции и причинах ее социального пессимизма в условиях надвигающейся социальной катастрофы.

Развивая эту линию, современные исследователи подчеркивают две стороны воззрений русской интеллигенции - ее космополитизм и радикализм. Эти черты четко представлены уже в мировоззрении Чаадаева, являвшегося философским предшественником как славянофилов, так и западников (22). По его пессимистическому заявлению в Россию стоит съездить лишь для того, чтобы увидеть пушку, которая никогда не стреляла, колокол, который никогда не звонил и т.п. Связь таких мыслителей с российской культурой (которая несомненно носила глубокий характер) имела чисто негативный характер: жить в России значило для них страдать. Эта общая неудовлетворенность положением дел в стране является основанием философской критики русского исторического опыта, ставшей отправной точкой двух основных течений - славянофилов и западников. Нас интересует однако другой вопрос: каким образом в этих философских дискуссиях отражается осмысление в России социального вопроса, выражается появление двух стратегий его решения - либеральной и революционной.

Эта проблема стала предметом обсуждения главным образом в современной западной науке, которая имела возможность рассматривать ее социологически в перспективе всего русского революционного процесса. Продолжая традиции русской дореволюционной науки и эмиграции, она ставила эту проблему вне тех цензурных рамок, с которыми вынуждена была считаться отечественная историография, приобретая крайне идеологизированный характер. В трудах И.Берлина, Ф.Помпера, Р.Харе и др. дается общая характеристика идеологии основных течений русской интеллигенции (23). Среди них заслуживает внимания исследование И.Ламперта, специально посвященное проблеме радикализма - "Дети против отцов. Исследование по русскому радикализму и революции" (24). Оно наиболее четко формулирует основную парадигму современной западной науки.

Отличительная черта русского революционного движения состоит согласно данному подходу в том, что это было прежде всего движение интеллигенции, которая не только не была выразителем какого-то определенного класса, но и противопоставляла себя тому социальному классу, из которого вышла. Начало этого процесса можно датировать выступлением декабристов, которые, представляя собой аристократическую и военную элиту русского общества, впервые противопоставили себя сословию дворян и государству, их породившему

(25). Этот парадокс был отмечен современниками, однако вызывал их недоумение. Он вызвал, напр., известное высказывание графа Ростопчина, заявившего, что он понимает французского гражданина, борющегося за свои права, но не может понять русского дворянина, начинающего революцию с тем, чтобы потерять их. Интерпретация данного явления долгое время ставила в тупик исследователей. Они отмечали, что оно представляет собой основной парадокс в истории всего русского революционного движения и выдвигали различные объясняющие гипотезы. Наиболее распространенной является концепция замещенного среднего класса. Согласно этой концепции, в отличие от западноевропейских революций в развитых странах основной движущей силой революции в России и других традиционалистских обществах (напр., Испании, Италии, других развивающихся странах вплоть до современности) становится не буржуазия, а именно верхи правящего слоя, фактически - военная элита, а затем интеллигенция, осознающие необходимость перемен и готовые к их осуществлению радикальным путем. В перспективе модернизации становится возможным объяснение таких явлений как военные революции начала XIX в., революции сверху, осуществляемые просвещенной бюрократией и, наконец, революции марксистского типа, вводящие социализм сверху.

Данная постановка вопроса дает возможность понять такую особенность русской интеллигенции как ее радикализм, не находящий объяснения в объективном положении ее представителей. Поколение двадцатых годов XIX в. впервые начало понимать бесперспективность попыток революционного переустройства общества. Его представители начали уходить от деятельности к размышлениям, становящимся заменой поступков. Это состояние можно, вероятно, отчасти сравнить с тем, которое было свойственно интеллигенции XX в. в эпоху застоя. Здесь коренился источник тех оторванных от жизни мечтаний, которые в полной мере стали свойственны интеллигенции последующего времени, во многом определив ее общий социальный облик. В этом отношении характерен известный тип так называемого "лишнего человека" - индивида, разочаровавшегося в жизни и деятельности, и в то же время пребывающего в состоянии мрачной мизантропии, презирующего общество. Однако в этом была и положительная сторона: она состояла в растущем стремлении к переосмыслению ценностей, поиску философской истины, самоуглублению, давшем миру прекрасные философские и литературные произведения (26). В условиях разрыва социальной и культурной преемственности неизбежными становились маргинализация интеллигенции и активный поиск философских ориентиров, решающая роль среди которых объективно оказывалась предоставленной западным философским влияниям. Начало критического переосмысления традиционных ценностей с этих позиций принадлежало, как мы видели, Чаадаеву, его дальнейшее развитие вызвало к жизни так называемую "новую интеллигенцию".

Феномен "новой интеллигенции" непосредственно связан с ростом философского и социального радикализма - отрицанием всех предшествующих абсолютных ценностей и созданием на их месте новых иллюзий. "Новая интеллигенция, - отмечал Ламперт, - родилась и выросла в этом революционном настроении, в этом почти инстинктивном стремлении к бунту. Она не представляла никакого определенного социального класса, и не поддается поэтому какому-либо единому социологическому определению. Это вызвало трудности у ее марксистских противников и побудило "народнических социологов и историков (Лавров, Михайловский, Иванов-Разумник) рассматривать интеллигенцию как принадлежащую ко всем сословиям и ни к какому классу (всословная и внеклассовая). Это был непрочный баланс между двумя силами: с одной стороны,

автократическим царизмом, поддерживаемым прочной полувоенной бюрократией и религиозными верованиями народа и, с другой стороны, самим этим народом, безмолвным до времени, закрепощенным, необученным, но упрямым, полным элементарной силы и совершенно непредсказуемым". Интеллигент выступает как "абстрактный человек", не имеющий под ногами никакой почвы. Отсюда - модель отношения интеллигенции к обществу и народу. "Изгнанные из реального русского мира,- продолжает Ламперт, - они (интеллигенты) становились изгнанными из мира вообще, ведя жизнь, на родине и за границей, в вольной или невольной изоляции, самоотречении и посвящении, которые вызывают сравнение скорее с религиозным орденом, чем с социологически определенным слоем. Они поступают и думают не как представители политической группы или партии, защищающие ее интересы, но как индивидуумы и новаторы, лишённые традиций и стоящие в одиночестве и обособленно. Именно это отсутствие привязанности к какой-либо определенной социальной форме и организации придавало их мировоззрению свойство всеобщей гуманности. Русский дворянин - человек всего мира!" (27). Данная характеристика русской интеллигенции, не отличаясь социологической четкостью, хорошо выражает, однако, основную социально-психологическую и поведенческую установку данного слоя в модернизирующемся обществе. Она состоит в абсолютном неприятии существующего строя и стремлении к его радикальному разрушению. Как отметил Р.Пайпс в своей "Русской революции", это умонастроение прослеживается у интеллектуалов многих стран кануна революции, однако в России достигает особенно четкого выражения (28).

Этим объясняется тяготение русской интеллигенции к наиболее радикальным философским доктринам Западной Европы. Среди них указывают на классическую немецкую философию, идеи романтиков, социалистические доктрины. Влиянием Шеллинга, Фихте и Гегеля во многом объясняется идеализм русской интеллигенции; восприятие Байрона, Шатобриана и Новалиса может служить доказательством распространения романтизма с пессимистическими размышлениями об отчуждении, потерянном поколении и поиском сильной личности; наконец, сильная тяга к идеям социального равенства (получившим распространение благодаря Ламартину и Жорж Санд), подготовила восприятие социализма. Весьма информативно сравнение соответствующих течений русской и западной мысли: кружок "любомудров", возникший и действовавший в 20-е гг. XIX в. испытал сильное воздействие шеллингианства; кружок Станкевича, куда входили Белинский, Бакунин и Грановский, являлся центром гегельянства в России (29), кружок Герцена и Огарева стремился совместить идеи Гегеля и романтиков, наконец, последний в этом ряду кружок Петрашевского воспринял идеи фурьеризма и утопического социализма (30). Ведущие представители радикальной интеллигенции выступают как проповедники определенной философской идеологии: Чернышевский - идей Фейербаха, Герцен - Прудона, Михайловский - Конта. Своеобразное исключение представляет на этом фоне Бакунин, который признается оригинальным русским явлением - основателем анархизма и в этом смысле противостоит Марксу (31). Сочетание утопизма и нигилизма - вот главное, что характеризует русскую радикальную интеллигенцию. В этом контексте может быть понята постановка социального вопроса в России в период борьбы за отмену крепостного права.

ПОСТАНОВКА СОЦИАЛЬНОГО ВОПРОСА В РОССИИ.

Социальный вопрос в полной мере сформировался в основных промышленно развитых странах Запада, где его осознание относится к первой трети XIX в. В эпоху разворачивающегося промышленного переворота его содержание сводилось в основном к конфликту буржуазии и пролетариата, получив теоретическое обоснование в теориях утопического социализма и марксизме. Однако эта проблема имела и другую сторону, представленную конфликтом традиционных социальных структур аграрного общества и новых, порожденных быстрым индустриальным развитием. Эта сторона выступала на первый план в странах, вынужденных подобно России избрать путь быстрой модернизации. Социальный вопрос трансформировался здесь в проблему отношения традиционалистского общества к той модели промышленного развития, которая была предложена Западом. Фактически это была проблема отношения к капитализму и порожденным им противоречиям. В этой перспективе предметом осмысления становился аграрный вопрос и собственно крестьянский вопрос (32). В рамках радикальной политической традиции русской интеллигенции социальный вопрос рассматривался в перспективе отмены крепостного права. Решающую роль в его теоретическом осмыслении сыграл несомненно А.И.Герцен - наиболее глубокий представитель русского радикализма, совмещавший знание социального вопроса на Западе с разработкой оригинальной стратегии его разрешения в России.

Наиболее распространенным в современной историографии является тезис о Герцене, как идеологе народничества, а его идеях, как основании народнических взглядов. Такая постановка вопроса характерна прежде всего для обобщающих работ по истории русского революционного движения, где делается попытка определить место взглядов Герцена в общем потоке развития революционных событий и идей как по отношению к предшествующей мысли, так и последующего периода - народничества. Наиболее четко концепция взглядов Герцена как народнических проводится в фундаментальном труде итальянского профессора Ф.Вентури "Русское народничество," выдержавшем несколько изданий и переведенном на ряд иностранных языков. Первый том этого трехтомного издания почти целиком посвящен анализу взглядов трех основных идеологов русского революционного движения, взгляды которых, как считает автор, легли в основу народнической идеологии: Герцену, Бакунину и Чернышевскому. При этом Герцену отводится наиболее важная роль, поскольку он первым, опираясь на революционные традиции декабристов и современную ему революционную мысль, выдвинул идею особого пути России в революции, сформулировал теорию русского общинного социализма. На основании анализа этих взглядов Герцена, Вентури пришел к выводу о том, что "Герцен может рассматриваться как создатель народничества"(33). Эта точка зрения получила широкое распространение в литературе и обосновывается, в частности, в работе Э.Актона. Однако, если однозначная трактовка вопроса у Вентури определяется в какой-то мере общей задачей его исследования, установкой на выявление прежде всего тех взглядов Герцена, которые впоследствии были подхвачены народниками, то Актон приходит к тому же выводу, исходя главным образом из анализа социальных взглядов Герцена. "Как величайший пропагандист социализма, основанного на крестьянской общине и возможности для России миновать путь западного буржуазного развития, - пишет автор, - он справедливо рассматривается как отец того широкого течения домарксистской революционной мысли, которое разделяло эти идеи и которое Ленин назвал "народническим". По его мнению, именно Герцен дал выражение идее служения интеллигенции народу, которая была характерна для

народничества. В работе американского историка Ф.Помпера "Русская революционная интеллигенция" место Герцена в истории русского революционного движения рассматривается на фоне предшествующих и последующих событий (восстание декабристов, движение народников), а также современного ему революционного движения интеллигенции (студенческие кружки, деятельность Станкевича, Белинского, Бакунина). Проанализировав взгляды 40-х гг., автор в разделе с характерным названием "Потерянное поколение: 1825-1855" приходит к выводу о том, что уже к 1848 году Герцен и Бакунин набросали теоретические контуры русского революционного народничества. Вместе с Белинским они сформировали идеологический авангард революционного движения в России" (34). Можно отметить, что и большинство других авторов, за редким исключением, склонны интерпретировать взгляды Герцена как народнические, а исторический смысл видеть в подготовке и идейном обосновании народничества. Имеющиеся отклонения от этой широко принятой точки зрения носят, как правило, частный характер и связаны с выделением специфики взглядов Герцена на различных этапах его идейной эволюции или с попытками выделить в его учении элементы иных социальных воззрений.

Содержание учения А.И.Герцена представляется более сложным. Главная трудность вопроса состоит в определении соотношения учения Герцена с интерпретацией этого учения в последующее время народниками. Рассмотрение социальных проблем в нем было гораздо шире, чем в последующей трактовке этого учения народниками, которые взяли у Герцена, главным образом, утопические ингредиенты его взглядов: представление об особом пути России в революции и роли сельской общины в переходе к социализму.

В имевшей место дискуссии по этим вопросам в отечественной историографии (Б.П.Козьмин, Ш.М.Левин, М.В.Нечкина) были поставлены вопросы о воздействии учения Герцена на народническое движение, о связи Герцена и Огарева с революционными кружками в России, о степени их участия в практических действиях по организации революционной пропаганды.

Существование спора о социальной направленности взглядов Герцена среди историков состояло в определении соотношения в них либерализма и революционности. В известной полемике Козьмина и Нечкиной по этому вопросу он принял форму сопоставления идейных позиций двух основных центров русского революционного движения: Лондонского во главе с Герценом и Петербургского во главе с Чернышевским. Речь шла о характере разногласий между вождями революционной демократии прежде всего во время их лондонского свидания (35). В ходе споров был сделан упор на революционно-демократическую направленность взглядов Герцена, его непосредственное участие в идейной и практической организации революционного движения. Как считала М.В.Нечкина, в частности в споре с Я.Е.Эльсбергом, рассмотрение идеологических принципов Герцена может быть понято лишь в связи с изучением его революционной организационной деятельности, соотношении в ней теории и практики. Этот важный вопрос, непосредственно связанный с изучением отношения Герцена к последующему поколению революционеров, организации "Земли и Воли", закономерно стал одним из центральных в работе по изучению революционной ситуации в России в середине XIX в. при публикации таких изданий как "Колокол", "Голоса из России", "Полярная звезда", определению их тайных корреспондентов и революционных связей. Обсуждались также причины и характер разрыва Герцена с "молодым поколением" революционеров. В ходе этого обмена мнениями отмечалась идейная преемственность взглядов народников по отношению к учению Герцена, но вместе с тем подчеркивалась и

нетождественность, а подчас и противоположность их идей. Совершенно очевидно, что в качестве утопического социалиста и революционера Герцен подчас шел гораздо дальше народнической трактовки его взглядов. Это позволяет рассматривать его концепцию "русского социализма" как общую основу всех оппозиционных течений русской интеллигенции - социального либерализма, народничества и марксизма.

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕОРИИ "РУССКОГО СОЦИАЛИЗМА".

Повсюду в Западной Европе распространение социалистических и анархистских доктрин было связано с поиском выхода из социального конфликта, порожденного индустриальным развитием. Отношение к этой проблеме привело к появлению двух основных парадигм социального развития - либеральной и революционной (36). Их четкое политическое разделение, относящееся к более позднему времени, наметилось, однако, уже в ходе крупнейших европейских революций, предоставив ряд основных моделей, реализация которых стала предметом споров среди русской радикальной интеллигенции. Негативное отношение к западному капитализму побуждало ее к поиску альтернативной концепции развития для России, которая, по их убеждению, могла (в силу известной специфики своего исторического пути) найти особую стратегию развития. В известном споре западников и славянофилов русские радикалы, следовательно, вставали скорее на точку зрения последних, усматривая в особенностях аграрного общества (сельской общины или мира) отправную точку для оптимального социального устройства в будущем. Средством реализации этой программы становилась революция, призванная переустроить общество в соответствии с определенной, заранее разработанной программой. Центральным вопросом для русской революционной интеллигенции в силу этого оказывалась проблема выработки целостного философского мировоззрения, основанного на синтезе лучших достижений западной философской мысли и специфически русской культурной традиции. Сама идея о возможности целостного и неизменного философского мировоззрения, заимствованная из классической немецкой философии, была шагом к созданию идеологии, интегрирующей теорию и практику, указывающую перспективы социального движения и способы достижения цели. Она носила, несомненно, метафизический характер и может быть понята лишь в контексте модернизации русского общества. Целесообразно рассмотреть генезис и основные этапы этой программы в перспективе формирования идейного развития А.И.Герцена, завершившегося созданием учения о "русском социализме".

При изучении процесса формирования взглядов А.И.Герцена (период до эмиграции) в центре внимания оказывается вопрос о том, какие идейные течения создали фундамент его мировоззрения, каким образом они определили дальнейшую эволюцию его взглядов. Характерен в этом отношении уже сам подход исследователей к выделению основных этапов идейной эволюции Герцена в период формирования его взглядов. В одной из первых обобщающих работ по этому вопросу - книге американского историка М.Малиа "Александр Герцен и рождение русского социализма 1812- 1855" - автор раскрывает эту большую тему по следующим направлениям: влияние романтизма Шиллера, "университет и кружок", "Шеллинг и идеализм", "Сен-Симон и социализм", "Гегель и реализм в философии", "Славянофильство и западничество", "Социалистическое и либеральное западничество", рассмотрение жизни и борьбы Герцена на фоне идейного развития русской революционной интеллигенции (37). Выделение именно

этих направлений анализа мировоззрения Герцена определяется авторской установкой на исследование прежде всего проблемы зарождения теории "русского социализма", что по его мнению объясняет последующую судьбу учения Герцена как идеолога народничества.

Преимственность в развитии Герценом теории русского социализма по отношению к предшествующему времени (взгляды идеологов декабристского движения) стала объектом рассмотрения в книге Ф.Вентури, сделавшего попытку проследить весь ход русского революционного движения (начиная с декабристов и кончая народничеством) как единый процесс решения аграрного вопроса - борьбы "всей русской интеллигенции" за освобождение крестьянства с землей или без земли (38).

В связи с этим автор обращается к анализу взглядов декабристов на проблему земельной собственности и крестьянской общины ("Русская правда" П.И.Пестеля, экономические произведения Н.А.Бестужева, Н.И.Тургенева, Н.М.Муравьева, И.Т.Якушкина). Вентури подчеркивает идеи декабристов о самобытности развития России, их стремление избежать буржуазного пути ("язвы пролетариата", характерной для Западной Европы), противопоставление России Западу и США. Кроме того отмечается интерес декабристов к социально-утопическим учениям Европы, в частности сен-симонизму, фурьеризму, взглядам Сисмонди. На основании этого анализа автор приходит к выводу, что декабризм был одним из важнейших социальных и идеологических течений, определивших формирование воззрений Герцена. Такой подход к решению вопроса о приемственности взглядов декабристов и Герцена представляется оригинальным и имеющим право на существование. В отличие от многих других авторов, рассматривавших движение декабристов главным образом с точки зрения их социально-политической программы и отношения к государственной власти, а их влияние на Герцена ограничивающих лишь констатацией самого факта такого влияния (в соответствии с автобиографическим материалом "Былое и Думы" Герцена), подход Вентури акцентирует внимание на приемственности их взглядов по ряду кардинальных вопросов социально-экономического развития страны: особый путь России, отличный от стран Западной Европы, обоснование роли сельской общины в ее дальнейших судьбах.

В отечественной литературе о декабристах их взгляды по аграрному и крестьянскому вопросам, положению общины и самостоятельному пути развития России рассматриваются в связи с изучением их социально-политической программы (39). Однако эти исследования достаточно неполны по сравнению с исследованиями взглядов Герцена и народников. Важно отметить, что для Герцена тема декабристского движения оставалась актуальной на всех этапах его общественной и публицистической деятельности, причем тесно совмещалась с борьбой против крепостного права (40).

Другим направлением идейного развития Герцена на начальном этапе его деятельности является, по мнению многих исследователей, революционная романтика, нашедшая свое наиболее яркое выражение в сочинениях Шиллера. Особенно рельефно это описано в книге М.Малиа, где увлечение Шиллером молодого Герцена рассматривается как отправная точка формирования его революционных взглядов. Автор подчеркивает влияние на Герцена свобододолюбивых идей революционных романтиков, представлявших собой "диалектический антитезис абсолютному деспотизму". "Таково фактически было, - по мнению автора, - происхождение революционной мечты в России". Следует подчеркнуть, что такая трактовка значения романтизма непосредственно связана с авторской интерпретацией последующих идей Герцена как "анархизма",

анархического протеста против социальной справедливости, воплощенной в самодержавии. Влияние романтизма на формирование взглядов Герцена отмечают и другие авторы, хотя они и не придают ему такого большого значения. Ф. Вентури отметил "атмосферу романтики" и религиозных исканий в студенческом кружке Герцена и Огарева. В новейшей биографии Герцена М.Партридж также отмечает интерес Герцена к революционной романтике, сочинениям Гете и Шиллера, герои которых (особенно Дон Карлос, Кал Моор и Вильгельм Телль) стали для него "более реальными, чем окружающий его действительный мир" (41).

Несколько специфическую оценку влияния романтизма на русскую революционную интеллигенцию мы находим в книге Помпера, отметившего сложный характер романтического мировоззрения, и тот факт, что несмотря на тенденцию ряда его представителей к гражданской пассивности, самоанализу и уходу от жизни "романтическое движение и немецкий идеализм сильно повлияли на революционную интеллигенцию последующего поколения" (42). В этой связи подчеркивается своеобразие влияния романтических идей на трех главных представителей революционного движения эпохи: В. Белинского, М.Бакунина, А.Герцена, - каждый из которых избрал свой путь в революционной мысли.

Одной из проблем анализа взглядов Герцена в начальный период его деятельности является раскрытие той идейной атмосферы, которая господствовала в его "кружке", была объектом дискуссий между его членами и определила общее направление последующего развития их взглядов. Как отмечается в литературе, этот этап начала формирования философских и социально-политических взглядов Герцена характеризовался пристальным вниманием к учению социалистов-утопистов, прежде всего Сен-Симона, а также Фурье и Оуэна. Однако на вопрос о степени и характере влияния этих мыслителей на формирование убеждений Герцена и Огарева мы не находим однозначного ответа в литературе. Так, М.Малиа, признающий такое влияние, утверждает, что оно было вызвано не столько непосредственным изучением сочинений самого Сен-Симона, сколько представителей сен-симонистской школы, его учеников, подчеркивающих главным образом "мистические и этические аспекты доктрины" (43). Он считает, что Герцен и Огарев не заметили высказывание Сен-Симона о влиянии экономики на общество и в восприятии его учения ограничились лишь тремя аспектами системы: ее этическим мистицизмом, ее философской историей и отрицанием только политических реформ в пользу более глубокого духовного возрождения. Такой подход к интерпретации воздействия утопического социализма, в частности "нового христианства" Сен-Симона на Герцена, связан с представлением о философских исканиях молодого Герцена как чисто духовных и религиозных, а его "духовной драмы" как провале в решении этой задачи (44).

Следует отметить однако, что сама по себе теистическая форма утопического социализма, как и классической немецкой философии, присущая философскому мышлению той эпохи, часто скрывала революционную направленность новых социальных учений. Проанализируем, исходя из этого, как эволюционировали взгляды Герцена в отношении утопического социализма на всем протяжении формирования его взглядов.

Как совершенно справедливо подчеркнул Вентури, сен-симонистские воззрения были одним из фундаментальных элементов "кружка" Герцена и Огарева наряду с влиянием идей 14 декабря и революционного романтизма (45). Автор отметил, что наряду с идеями Сен-Симона и Фурье в кружке изучали Вико, Руссо, Монтескье, Гердера, политическую экономию Сэя и Мальтуса, работы по истории Гизо и Тьерри. Вместе с тем сен-симонизм представлял собой учение, вызывавшее наибольший интерес, находившееся в центре идейной жизни кружка, что

объяснялось как его общим социалистическим характером, так и выражением в нем реальных отношений и противоречий эпохи. Обращается преимущественный интерес на те стороны учения Сен-Симона, которые сыграли, вероятно, особенно важную роль в последующей идейной эволюции Герцена - отношение к Французской революции, критика буржуазной демократии. Утопический социализм в России выступает в форме "крестьянского социализма", и в этом состоит его характерная и специфическая черта по сравнению с утопическим социализмом в его классическом выражении (46). В 30-40-е годы XIX в. наиболее яркие представители русского утопического социализма (А.И.Герцен, Н.П.Огарев, В.Г.Белинский, М.В.Петрашевский) стремятся дать ему цельное философское обоснование, что было связано с обращением их к идеям сен-симонизма и фурьеризма, сопряженным с самостоятельной критической оценкой западноевропейской действительности. Но уже в начальный период русские социалисты, в первую очередь Герцен, отмечают некоторые неприемлемые черты западных систем утопического социализма и коммунизма, в частности, принцип уравнительности.

Справедливо отмечается однако, что восприятие учения Сен-Симона не исключало критику некоторых его слабых сторон Герценом как в начальный, так и в последующий период. На критику Герценом утопического социализма Фурье, его фаланстеров и жесткой регламентации общественных отношений, направленную в какой то степени против петрашевцев, указал, например, зарубежный исследователь русского фурьеризма 40-х гг.- Каплан (47). Отмечались в литературе и другие критические суждения Герцена по отношению к утопическому социализму Бабефа, Кабе, идеям Луи Блана. Общую оценку места сен-симонизма и утопического социализма в формировании мировоззрения Герцена находим в работе Ф.Помпера: "в Герцене два потока радикальной идеологии - французский утопический социализм и немецкое левое гегельянство - соединились в высокоразвитый философский радикализм", дополненный реализмом в литературе (48). Таким образом, сен-симонизм, весь утопический социализм в лице его наиболее видных представителей является основой революционного мировоззрения Герцена.

Особое внимание в современной науке обращается на анализ философских корней учения Герцена. С этой целью акцент делается на раскрытие большой и сложной проблемы - Герцен и классическая немецкая философия. Влияние классической немецкой философии, прежде всего Шеллинга, рассматривается как следующая ступень идейной эволюции А.И. Герцена в период формирования его философских взглядов.

Влияние Шеллинга на русскую интеллигенцию той эпохи было огромно прежде всего потому, что восприятие его идей было подготовлено всем предшествующим развитием русской философской и социальной мысли, и они сразу стали объектом жарких споров между двумя центральными общественными течениями - славянофилами и западниками. Как верно отметил А. В.Гулыга "Шеллинг значил для России больше, чем для Германии", ибо "русское шеллингианство - философское направление, не повторявшее Шеллинга, а интерпретировавшее его" (49).

Тенденции многих западных историков, склонных преувеличивать степень влияния шеллингианства на русскую интеллигенцию вообще и Герцена в частности, в какой-то степени противостоит подход М.Малиа, отметившего ограниченный характер этого влияния, отразившегося в основном в постановке определенных вопросов и направлениях их разработки. Вместе с тем отмечается критическое отношение Герцена к идеалистической системе Шеллинга уже на

раннем этапе его идейного развития, перешедшее впоследствии "в резкое отрицание идеалистической позиции в целом" (50). Большинство зарубежных исследователей однозначно констатируют влияние Шеллинга на Герцена в связи с его глубоким интересом к философии Гегеля, ставшим поворотным пунктом в формировании его мировоззрения. Взгляды на степень и характер влияния философской системы Гегеля на Герцена неоднозначны в рассматриваемой литературе. В центре дискуссии стоит вопрос о том, в какой степени философия Гегеля определила формирование философских взглядов Герцена. В обобщенной форме находим постановку этого вопроса в работе Ф.Помпере: германская философия, во-первых, давала прекрасную основу теоретического выражения мысли в понятиях - народ, государство, история, во-вторых, содержала концепцию противоречия и борьбы, в-третьих, идеи свободы и прогресса, борьбы за них. Автор отмечает, что система Гегеля открывала возможность двух путей интерпретации этой философии - консервативного и революционного. Рассматривая в этой перспективе русское гегельянство 40-х гг., он подчеркивает борьбу в них этих двух течений, выделяет позицию Герцена, первым понявшего революционную сущность гегелевской философии, в отличие, например, от Белинского и Бакунина, склонных на этом этапе к консервативной трактовке гегельянства, выразившейся в примирении индивида с существующим порядком вещей. Революционный характер интерпретации Герценом гегелевской философии, его объективного идеализма, диалектики, как "алгебры революции" и учения о соотношении "действительного и разумного" подчеркивается в работе Ф.Вентури.

Революционная трактовка гегелевского учения становится объектом изучения в связи с разработкой Герценом его собственных философских принципов, общественными выступлениями и литературным творчеством этого периода. Именно на это обращает внимание М.Партридж, по мнению которой, жизнь в ссылке и нудная служба чиновника, которую ему приходилось терпеть, привели к тому, что он "быстро избавился от жизни в коконе московских теоретических дискуссий" (51), что привело его к более реальному взгляду на вещи. В этой связи показательна известная полемика Герцена с Белинским по поводу гегелевской формулы - "все действительное разумно, все разумное действительно". Если члены кружка Станкевича (в который входил Белинский) интерпретировали эту формулу как призыв к приятию "внешнего" социально-политического мира николаевской России, поскольку единственной истинной действительностью обладает лишь "внутренний мир" индивида, то Герцен считал "действительным" лишь внешний мир, поскольку он накладывает печать необходимости на внутренний мир индивида. Пересмотр Белинским своих взглядов по этому вопросу (в русле его революционного решения Герценом), обусловил их идейное сближение в последующий период на почве отношения к литературному творчеству: "Это была литература не только социальной критики, но и социального протеста". Рассматривая литературное творчество Герцена на этом этапе ("Записки молодого человека", "Доктор крупов", "Кто виноват" и др.), можно проследить в нем отражение новых взглядов и представлений о литературе.

При оценке философских трудов Герцена ("Дилетантизм в науке" и "Письма об изучении природы") в литературе наметились расхождения. Большинство авторов (М.Малиа, Ф.Вентури, Э.Акстон) оценивают его взгляды как младогегельянские. По мнению Малиа критика гегелевского учения Герценом, Бакуниным и Белинским была течением мысли, параллельным тому, которое происходило в то же время в Германии и было представлено сочинениями Штрауса, Бауэра, Феербаха, Руге и Штирнера. "Русское гегельянство, - считает автор, - выступает в качестве реакции "реализма" на чрезвычайно абстрактный идеализм. От этого

признания реальности до ее критики был один шаг, и Герцен, более смело трактовавший Гегеля, чем его предшественники, был первым из своего поколения, кто сделал его" (52). Рассматривая основные философские произведения Герцена в этой перспективе, автор явно склонен преуменьшать их научное значение, даже отказать им в статусе философских произведений. По его мнению было бы ошибкой трактовать гегельянские эссе Герцена прежде всего как "труды по философии, как часто делалось в прошлом, и как еще и теперь делают советские историки". Автор считает возможным говорить об этих сочинениях как о публицистических на том основании, что использование абстрактной философской терминологии было свойственно мышлению интеллигенции того времени и вызвано стремлением избежать цензуры. Этот подход привел автора к тезису о том, что "гегелевские эссе Герцена представляют собой бледный северный отсвет "германского младогегельянства." Идею эволюцию Герцена от идеализма к материализму автор представляет как развитие его взглядов в сторону позитивизма и младогегельянства.

Несколько отличную трактовку этого вопроса дают другие исследователи. Так, Э.Актон подчеркивает "гегелевский пласт" в мировоззрении Герцена, связывает его интерес к этой философской системе с обоснованием его социалистических воззрений и выделяет те идеи Гегеля, которые были восприняты русской революционной интеллигенцией (неприятие существующего порядка вещей, диалектику, как учение о развитии, единство мысли и действия, индивида и общества). Отмечая вклад Герцена в процесс революционного переосмысления Гегеля, автор называет его основные философские работы "наиболее важным вкладом в критику Гегеля с позиции русских левых" (53). Сходное решение этой проблемы содержится в работе Вентури. Вместе с тем некоторые особенности в трактовке вопроса о воздействии гегельянства на формирование взглядов Герцена не помешали этим авторам прийти к тому же выводу, что и Малиа - о младогегельянском характере взглядов Герцена. Действительно, в отношении философии Гегеля у представителей младогегельянства и русских демократов были определенные общие черты, однако Герцен, вероятно, пошел дальше в сторону материалистических и революционных выводов из учения Гегеля (достаточно вспомнить его определение диалектики, обоснование материалистической теории познания, попытку использовать гегелевскую философию для обоснования революционной трактовки истории и анализа современных событий, наконец, связь его критики гегелевского идеализма с разработкой рационалистической критики общественных отношений и обоснованием метода критического реализма в литературном творчестве).

Участие Герцена этого периода в общественно-политической жизни выражается в созданных им философских и публицистических произведениях, отстаивавших указанные философские идеи - диалектику, материалистическую теорию познания ("Дилетантизм в науке", "Письма об изучении природы"), выступлениях против славянофильства в защиту западничества с позиций революционного радикализма. Парtridge считает, что ко времени выезда Герцена за границу и его последующей эмиграции (1847 г.) "его основной вклад в историю русской литературы был уже сделан", а в последующее время "он был вовлечен в водоворот европейского социалистического движения, и большинство его сочинений с этого времени стало носить прямой публицистический характер" (54).

В отечественной литературе о влиянии Гегеля на русскую философскую мысль и формировании течений в русском гегельянстве отражена борьба консервативного революционного направления в нем, показано объективное стимулирующее значение его принципов для оформления идеологии революционных демократов.

Синтез социалистической мысли и гегелевской философии, прежде всего диалектики, составляет важнейшее направление теоретической деятельности ряда революционных мыслителей России XIX в. (55). Среди них особо важное место принадлежит Герцену, применившему этот подход к диалектической разработке философии истории, реалистическому методу в литературе, критическому анализу событий современной ему социальной и политической жизни с позиций социалиста и революционного радикала (56). Основные философские сочинения Герцена свидетельствуют о материалистическом переосмыслении им гегелевской диалектики, разработке на этой основе методов естественных и общественных наук. Несмотря на то, что этот процесс не получил своего завершения, был сделан важнейший вклад в развитие русской философской мысли. Значение идей Герцена проясняется при сопоставлении их с господствовавшими в тот период шеллингианскими, а позднее правогегельянскими взглядами, прежде всего с их консервативной социальной направленностью (57).

Важным вопросом при изучении развития мировоззрения Герцена стала оценка кризиса его взглядов, связанная с революцией 1848 г., разочарованием в буржуазном пути развития стран Западной Европы. Предметом дискуссии стал вопрос о причинах, социальной сущности и развитии кризиса во взглядах Герцена, его значении для последующего обоснования им теории "русского социализма".

По мнению большинства исследователей кризис в мировоззрении Герцена был вызван глубокой неудовлетворенностью событиями и итогами революции, а также сознанием неприемлемости этого пути для России.

Кризис мирозерцания, последовавший за разгромом революции 1848 г., вызвавший "духовную драму" Герцена, был характерен для всей русской да и не только русской интеллигенции этого времени. У И.С.Тургенева он выразился, например, в противопоставлении Гамлета и Дон-Кихота как двух противоположенных типов личности (мыслителя, теоретика и деятеля) данной эпохи и нашел художественное воплощение в Рудине, типичном человеке 40-х гг., философские идеи и беспокойный дух которого, способный приводить в движение мысль и деятельность других, не находит никакого практического применения в тех условиях и превращает его в одну из разновидностей "лишнего человека", типичного представителя своего класса и своего времени (58).

В этой перспективе характерно подчеркнутое внимание к мировоззрению и политической борьбе Герцена периода жизни в эмиграции, восприятию Герценом Европы во время его путешествия, причинам разочарования ее социальным строем, нашедшего выражение в последующих произведениях (прежде всего в "Письмах с авеню Мариньи" для "Современника"). Уже в этот период начинает складываться то негативное отношение Герцена к буржуазному строю, которое впоследствии привело его к духовному кризису, поиску особого пути и обоснованию "русского социализма". Вместе с тем, обращается внимание на интерес Герцена к революционным событиям в Европе, революциям в Италии и Франции 1848г., их оценке (нашедшей выражение в "Письмах из Франции и Италии" и "С того берега"). В то время как Маркс развивал теорию социальной революции, основанную на экономическом критерии, Герцен рассматривал социальное изменение как зависимое от этических, моральных и психологических отношений.

Своеобразную позицию в этом вопросе занял И.Берлин. По его мнению, поражение революции 1848 г. привело к неожиданным и парадоксальным результатам в формировании взглядов русской интеллигенции: разочарование в Европе и ее социальных институтах создало благоприятную почву для противопоставления ей России, ее уникальных условий и особого пути развития, что в свою очередь породило оптимизм относительно революционных

возможностей России, особого направления ее революционного развития и дало революционерам чувство идейной миссии (59). Исходя из такого понимания итогов и результатов революции 1848 г. автор дает интерпретацию последующего русского революционного движения, прежде всего взглядов и деятельности А.И.Герцена, развиваемой теории "русского социализма", а также его разочарования в европейских порядках. Этому объяснению противостоит концепция Малиа, который кризис во взглядах Герцена связывает не с революцией, а с предшествующим развитием его взглядов еще в России, и датирует критический перелом в них началом эмиграции (1847 г.). Отсюда и название и одной из центральных глав его книги - "Решающий год 1847". Автор пришел к заключению, что "еще до того, как он покинул Россию, Герцен решил, что ему не понравится Европа Грановского" и подчеркнул, что уже в тот период его взгляды характеризовались хотя и "аморфным, однако глубоким национальным чувством", что и лежало в основе неприятия им общественных отношений Западной Европы (60).

Данную концепцию можно рассматривать как развитие точки зрения Н.С.Булгакова, считавшего, что духовный идеализм Герцена вообще не мог найти реального воплощения в каком-либо действительно существовавшем общественном строе (61). Своеобразным компромиссом между принятой большинством исследователей концепцией и позицией Малиа являлась работа Э.Актона. Отталкиваясь от традиционной точки зрения и критикуя Малиа, подход которого он рассматривал как "противоположенную крайность", автор сосредоточивает свое внимание на анализе внутренних психологических мотивов поведения Герцена, который, отвергая окружающий его мир социальной несправедливости, самоизолируясь от него, попытался в процессе сложных духовных исканий найти свой самостоятельный, особый путь, оправдывающий его позицию и переносящий его идеал общественного строя в будущее. С этих позиций автор рассматривает разработку Герценом его теории особого пути развития, "русского социализма".

В ходе размышлений послереволюционного времени Герцен неизбежно должен был вступить в контакт с виднейшими представителями европейского революционного движения, определить свое отношение к основным социальным течениям современности, их идейным программам и вождям. Этот факт уже сам по себе ставит под сомнение тезис ряда авторов о социальной пассивности, самоустранении Герцена от политической борьбы. Определяя свое отношение к господствующим революционным концепциям, Герцен в этот период много сделал для развития своего собственного мировоззрения в революционном направлении. Вместе с тем в историографии еще недостаточно прояснены вопросы соотношения взглядов Герцена со взглядами других революционных мыслителей, учета и анализа им этих взглядов. Проблема стала предметом многих исследований, призванных определить место учения западных социалистов в творчестве Герцена, характер их влияния на развиваемую им теорию "русского социализма". В частности, объектом исследования являются отношения Герцена с представителями западноевропейской революционной эмиграции - Прудоном, Мадзини, братьями Реклю, представителями польской эмиграции (Мицкевич). В период жизни в Лондоне и начала организации Вольной русской типографии, Герцен хотя и не вписался в "холодный фасад викторианского общества", но был близок к радикальным деятелям эмиграции и поддерживал отношения с английскими изданиями радикального характера, в некоторых из которых были напечатаны его работы и статьи о нем.

Предметом особого внимания сталā тема Герцен и Прудон, поскольку два этих деятеля непосредственно сотрудничали, и известны высказывания Герцена, содержащие высокую оценку идей Прудона. Для зарубежных исследователей характерно подчеркивание влияния Прудона на Герцена. Эта тенденция особенно характерна для авторов, представляющих взгляды самого Герцена как анархизм. Так, М.Малиа для доказательства этой точки зрения проводит сравнение взглядов Герцена и Прудона, отмечает значительное влияние М.Штирнера. Решающую роль Прудону в окончательном оформлении взглядов Герцена отводит Ф.Помпер: "Французская социалистическая мысль, особенно Пьер Прудон, завершили его идеологическую эволюцию к революционному социализму". К противоположным выводам пришел французский историк М.Мерво, перу которого принадлежит ряд специальных статей об отношениях Герцена и Прудона, а также публикация их переписки на французском языке (62). Ставя вопрос о том, был ли Герцен прудонистом и анархистом, автор отвечает на него резко отрицательно. Сравнивая взгляды двух мыслителей по вопросам отношения к капиталистическому строю, решению аграрных проблем и рабочего вопроса, а также взгляды на революцию, классовую борьбу и государство, Мерво хорошо показывает либеральную и мелкобуржуазную направленность по существу консервативных взглядов Прудона и коренные отличия от него Герцена, которому был присущ оригинальный революционный радикализм.

В перспективе национальной ориентации информативно сопоставление воззрений Герцена и итальянского революционера Д.Мадзини, который с позиции республиканского демократизма призывал к национальному освобождению Италии и ее объединению революционно-демократическим путем. Вместе с тем его взгляды отразили известную противоречивость и национал-либерализма, проявившуюся в отказе от радикального решения аграрного вопроса, а также в стремлении придать национально-освободительной борьбе религиозный характер. Объектом изучения в историографии стали личные встречи Герцена с Мадзини, их споры по вопросам социально-политической программы революции, а также критика Герценом отмеченных сторон взглядов Мадзини. Но существует тенденция к сближению их позиций, нашедшая выражение в их сравнении как революционных демократов. "То, что Мадзини сделал для итальянцев, - пишет, например, И.Берлин, - Герцен сделал для своих соотечественников: он создал едва ли не собственными руками традицию и "идеологию" систематической революционной агитации и тем самым основал революционное движение в России" (63). Таким образом, попытки определить характер и социальную направленность философских взглядов Герцена часто приводят исследователей к попыткам их сопоставления с современными течениями философской мысли. Прослеживается стремление сравнивать взгляды Герцена, с одной стороны, с современными ему мыслителями и политическими писателями, с другой, - с представителями философской мысли нового и новейшего времени. Как показала З.В.Смирнова, мировоззрение Герцена, включавшее разнообразные элементы других учений, рядом своих сторон связано с некоторыми течениями современной философии, среди которых выделяются иррационализм (критика гегелевского панлогизма), позитивизма также анархизм (64). Не случайно поэтому появление сравнительных исследований на эту тему. Прежде всего можно отметить выражение в сравнительном подходе общей концепции мировоззрения Герцена: те авторы, которые как И.Берлин, подчеркивают либеральную сторону взглядов Герцена, склонны сравнивать их со взглядами Д.С.Милля, А.Токвиля или А.Мишле и, наоборот, авторы, подчеркивающие радикализм его учений, как М.Малиа,

сравнивают Герцена с младогегельянцами Б.Бауэром, Фейербахом, а также с анархистами Прудоном, Штирнером и пр.

Специфический, несколько парадоксальный поворот темы представлен в сравнении мировоззрения Герцена с экзистенциализмом в лице как предшественников этого течения - Кьеркегора и Ницше, так и некоторых современных его представителей. Этому вопросу был посвящен обмен мнениями ряда зарубежных (американских) исследователей. В дискуссионной статье "Герцен и Кьеркегор" Р.Девисон, проанализировав биографии, особенности характера и взгляды этих двух современников, пришел к выводу о сходстве их взглядов по ключевым философским проблемам: отказ от принятия какой-либо закрытой схемы мысли, подчеркивание ответственности индивида и его роли в процессе познания, субъективность истины, что является характерным для экзистенциализма (65). С этим подходом не согласен американский исследователь творчества Герцена И.Ламперт, который в статье "Герцен и Кьеркегор?" указывает на необоснованность такого сравнения передового мыслителя, "гуманиста и социалиста", человека, находящегося "в центре социальной революции", верящего в науку и ее познавательные возможности с оторванным от жизни мечтателем, философом-иррационалистом и меланхолическим эгоцентристом, ставшим предшественником современного экзистенциализма (66). Другой участник дискуссии - Блэкхем, отметив спорные места проведенного сравнения, все же не отказался от сравнительного исследования и "параллелей" в намеченном русле: по его мнению Герцен, вероятно, был экзистенциалистом в том смысле, в каком ими являются "Сартр и его школа" (67).

Очевидно, однако, что слабость проведенных сравнений состоит в их внеисторическом характере: по-существу, мировоззрение Герцена, как и Кьеркегора берется вне времени и места, той реальной исторической обстановки, которая их породила и вызвала к жизни идеи, определила социальную направленность и смысл творчества. Философский анализ творчества Герцена показывает, что для него научное мышление объективно и истина устанавливается наукой, истину он понимает диалектически как процесс познания, и в области общественных отношений выступает за революционные действия, изменение мира, а не пассивность и подчинение обстоятельствам. Это противоречит представлению о нем как стороннике субъективного идеализма, релятивизма и иррационализма, как одном из возможных предшественников экзистенциализма, позитивизма или анархизма. Именно в этот период была написана серия работ, предназначенных для европейского читателя и посвященных специально истории русского революционного движения, развитию революционных идей в нем ("Россия", "Развитие революционных идей в России", "Русский народ и социализм", "Открытое письмо к Ж.Мишле", в котором нашла обоснование концепция особого пути России в революции, "русского социализма").

"РУССКИЙ СОЦИАЛИЗМ" И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРАДИЦИЯ.

Вопрос о разработке Герценом теории "русского социализма" и об оценке этой теории, ее роли в развитии революционного движения принадлежит к числу кардинальных проблем современной историографии. Действительно, процесс формирования этой теории, сопровождавшийся полемикой со многими другими общественными течениями эпохи, не мог быть однолинейным и последовательным, да и сама теория, имея утопический характер, содержит в себе известные противоречия. Поэтому интерпретация теории "русского социализма" по-существу связана с социальной оценкой учения Герцена, различных этапов его

формирования, элементов, модификаций одних и тех же взглядов. Возникает парадоксальная ситуация, когда об одном и том же учении, возникшем в определенное время и содержащем ряд определенных общеизвестных и даже ставших хрестоматийными истин, в историографии имеется ряд самых разнообразных оценок, трактующих учение Герцена о "русском социализме" как "националистическое", как "анархистское", как "либеральное" и "революционное", по-разному определяющих его место в истории русского и европейского революционного движения.

Отсутствие единого подхода к проблеме и критериев оценки социального учения проявилось в многообразии оценочных суждений - все названные концепции широко представлены в имеющейся литературе вопроса. М.Малиа трактует учение Герцена и его теорию "русского социализма" как выражение анархизма дворянского революционера. Э.Актон склонен оценивать учение Герцена как синтез идей западников и славянофилов, представляющий собой своеобразную попытку найти особый путь при неприятии существующих общественных отношений буржуазного общества. Ф.Вентури также подчеркивает в мировоззрении Герцена идею самобытности русского пути и рассматривает идейные истоки этого воззрения в развивавшемся славянофилами учении о "народности". Он отмечает в качестве "фундаментального" положение об автономном развитии социализма в России и связывает с этим появление специфического типа революционности - служение народу и проникновение в него, а также типа революционера - народника. Попытку объединения ряда концепционных оценок теории русского социализма Герцена предпринял Помпер, по словам которого "Герцен связал себя с прогрессивной европейской теорией и анархическим социализмом и пытался оправдать свой патриотизм надеждой на русскую крестьянскую общину - живой исторический реликт, который, возможно, позволит славянам достичь социализма первыми" (68).

Наряду с рассмотренными трактовками учения Герцена в историографии продолжает существовать традиционная концепция его взглядов как либеральных, выражающаяся в подчеркивании тех периодов его деятельности, когда он склонялся к принятию либеральных идей.

К числу сторонников этой теории принадлежит, например, И.Берлин, ряд других известных исследователей, взгляды которых восходят к русской либеральной историографии революционного движения (69). В работе М.Партридж, напротив, освещается история создания Герценом и Огаревым Вольной русской типографии в Лондоне и раскрывается революционный характер и антикрепостническая направленность основных ее публикаций ("Моим братьям в России", "Крещеная собственность", "Юрьев день", статьи о Польше и др.), история распространения первых публикаций в Европе и России, отклики на них. Отмечается большое влияние таких изданий как "Полярная звезда", которая остается уникальным и блестящим явлением социальной, политической культурной истории России, "Колокола", "откровенная политическая ориентация которого открыла новую фазу в истории Вольной русской типографии России, а также других серийных публикаций ("Голоса из России" и "Исторический альманах") или отдельных изданий (например, "Мемуаров Екатерины II" и памфлетной литературы) в борьбе за отмену крепостного права и организацию русского революционного движения. В связи с издательской и публицистической деятельностью Герцена рассматриваются его отношения с виднейшими представителями русского революционного движения этого периода - Чернышевским, Бакуниным и народниками. Отмечая наличие принципиальных разногласий между Герценом и "новым поколением" революционеров, прежде

всего сторонниками "индивидуального террора", ставших очевидными после осуждения "Колоколом" покушения Каракозова на царя, некоторые исследователи констатируют близость его позиции по этому вопросу к взглядам Маркса.

Между тем, исследование социалистических воззрений Герцена предполагает анализ их развития в ходе его идейной эволюции. Как отметил В.П.Волгин, социализм Герцена в сороковые годы и "русский социализм" 50-х гг. существенно отличаются друг от друга. В произведениях 60-х годов как- будто намечаются тенденции к синтезу этих двух построений; наконец в письмах "К старому товарищу" запечатлены явные признаки нового поворота, завершить который помешала преждевременная смерть мыслителя (70). Утопический социализм Герцена, базирующийся на крестьянской общине и учении об особом пути развития России, в той форме как он оформился к 60-м годам несмотря на его утопичность и узко-национальный характер, сыграл однако значительную роль в развитии социальных идей в России, послужив одним из исходных пунктов народничества (71). Вместе с тем, последний этап развития взглядов Герцена хотя и не привел к отказу от этой теории, но связан с существенными попытками ее развития, поиска новых путей в обосновании новой теории.

Вопрос об оценке последнего этапа творчества Герцена, "последней фазы" его идейной эволюции раскрывает основные тенденции его взглядов, судьбы учения Герцена в перспективе всего мирового и русского революционного движения. Завершающий этап деятельности Герцена характеризуется окончательным оформлением его взглядов, теории "русского социализма", подъемом его революционной агитации в период борьбы за освобождение крестьян и проведения реформы 1861 года. Вместе с тем, на этом этапе и особенно впоследствии наметились определенные черты кризиса в его деятельности, что выразилось в частичном пересмотре самим Герценом некоторых его взглядов, расхождении с "молодым поколением" русских революционеров, связанным с этим ослаблением распространения его идей и публикаций, наконец, в попытках найти выход из этой ситуации в новых направлениях теоретической мысли.

К данному периоду относится ряд принципиальных шагов в этом направлении - разрыв с Бакуниным и анархистами, осуждение практики индивидуального террора, рост интереса к деятельности К.Маркса и Интернационалу. Оценка этого периода деятельности Герцена неоднозначна в историографии. Стимулирующим фактором исследования этих проблем на современном этапе оказалось фундаментальное академическое издание полного собрания сочинений А.И.Герцена в тридцати томах, где впервые были напечатаны с развернутыми научными комментариями многие новые документы, отражающие завершающий период деятельности Герцена (72) Анализ этих новых источников позволяет констатировать, что "его ощущение истории, понимание современных событий и людей, делающих их, его политические суждения и политическая программа в последние годы жизни заслуживают переоценки". Рассмотрение этих вопросов во многом определяется позицией авторов в освещении отношения взглядов Герцена к анархизму, прежде всего бакунизму, принятому в этот период значительной частью народников в качестве идейной программы. Авторы, вообще склонные рассматривать взгляды Герцена как анархистские, стремятся подчеркнуть близость позиций Герцена и Бакунина по ряду принципиальных вопросов. Исходя из представления о программе Герцена и Бакунина как анархистской, Ф.Помпер подчеркивает, что на разных этапах своей деятельности оба они разделяли якобинские и бланкистские идеи, однако Бакунин пошел дальше в этом направлении, чем и объясняется его влияние на последующее поколение революционеров (73). С другой стороны, авторы, стремящиеся интерпретировать

взгляды Герцена как либеральные, например, И. Берлин, усматривают много общего в подходе Герцена и Бакунина к решению проблемы индивидуальной свободы: "они оба помещали идеал индивидуальной свободы в центр своей мысли и действия", как сходные рассматриваются взгляды Герцена и Бакунина по вопросам о месте индивида в обществе, его отношении к социальной организации и власти. Иной точки зрения придерживается М. Мерво, подчеркнувший, что "без сомнения, в концепции революции Герцен был наиболее далек от анархизма. Его мысль в этом вопросе была столь же далека от позитивного анархизма Прудона, сколь от нигилистического анархизма Бакунина". Автор выделяет в мировоззрении Герцена идеи революционной борьбы, определяющего значения масс в ней, необходимости государственного аппарата. Сближая позиции Герцена и Маркса по этим вопросам, Мерво считает его "предвестником русской социал-демократии" (74). Вопрос об отношении Герцена к терроризму стал предметом специального исследования в связи с изучением "дела Нечаева", а также публикацией новых источников о Наталье Герценой и "кружке Бакунина- Нечаева" из Национальной библиотеки в Париже (75). Публикация, подготовленная М. Конфино и изданная на английском и французском языках, снабжена предисловием, в котором публикатор прямо связывает "дело Нечаева" с современным терроризмом (упоминается известная террористическая группа Баадер-Майнхоф) и тем самым подчеркивается актуальность критики Герценом анархизма и терроризма. Сходные взгляды на проблему развивает в ряде своих работ М. Партридж, специально отметившая, что Герцен "никогда не был политическим анархистом, хотя некоторые из его наиболее влиятельных сочинений рассматривались как таковые последующим поколением," и выступал с критикой подобных взглядов Бакунина. В связи с этим рассматривается цикл статей "К старому товарищу" (Бакунину), содержащих критику Герценом анархизма и индивидуального террора, подхлестывания революции. Автор подчеркивает большое непреходящее значение этого сочинения, актуальность в современную эпоху его идей о том, что "знание и понимание должны заменить кровопролитие".

Большой самостоятельной темой является проблема соотношения взглядов Герцена и Маркса, отношения Герцена к Интернационалу. В этой связи заслуживает внимания подход М. Партридж, попытавшейся выделить те общие черты в мировоззрении двух мыслителей, которые обусловили рост интереса Герцена к учению К. Маркса на заключительном этапе его идейной эволюции. "Единственный из русских этого времени, - пишет М. Партридж, - Герцен одновременно с Марксом признавал, что истинное социалистическое изменение в организации общества может прийти только через массовое движение и классовую борьбу. Как революционный мыслитель он не только поднялся на уровень передовых европейцев, но и приспособил свое мышление к тому, что рассматривал в качестве исключительно русского положения" (76). Автор приходит к выводу, что Герцен "гораздо более симпатизировал движению рабочего класса, чем обычно считают", что нашло выражение в его глубоком интересе к Интернационалу. Известно однако неприятие Герценом самого Маркса и его учения, последователей которого он называл "марксидами". Причем этот малоизвестный в отечественной историографии факт объясняется отнюдь не только антирусскими настроениями Маркса, но и отрицанием универсальности марксистской концепции социального конфликта и роли пролетариата в его разрешении. Теория "русского социализма" исходила из возможности избежания в России самого этого конфликта, а потому была несовместима с марксистской концепцией пролетарской революции. В отличие от Маркса и его последующих русских последователей Герцен видел в социализме не цель революции, а лишь средство достижения социального идеала,

который он усматривал в свободе. Однако именно этот "либеральный" ингредиент его мировоззрения был неприемлем для радикальной интеллигенции, как народнической, так и марксистской.

В этой связи самостоятельного внимания заслуживает проблема соотношения "русского социализма" и ленинизма. Обычно при ее рассмотрении ограничиваются пересказом положений известной статьи Ленина - "Памяти Герцена", где дается разбор его учения с позиций ортодоксального марксизма. Однако она имеет и другой аспект - преемственность народнической и большевистской революционной традиции. В современной литературе о русском марксизме и особенно о ленинизме хорошо показано, что он не может быть понят как простое развитие ортодоксального марксизма, но представляет собой скорее его ревизию. Вопреки прогнозам Маркса революция в России произошла не в результате развития капитализма, а скорее в силу его отсутствия, опиралась не на развитое рабочее движение, а на политику захвата власти организованной партией профессиональных революционеров. Следствием стала попытка насаждения государством социализма в отсталой крестьянской стране с использованием методов насилия и массового террора. Советский марксизм в этой перспективе выступает скорее как синтез ортодоксального марксизма и русского народничества. Отсюда актуальность концепции "русского социализма", теоретически обосновавшей именно этот путь модернизации. В дальнейшем указанная тенденция нашла выражение в стремлении правящей партии соединить марксистскую фразеологию с так называемой идеей патриотизма, причем последняя играла едва ли не более существенную роль в легитимации власти (особенно в кризисных условиях войны). Возрождение этих идей мы видим сегодня в различных проектах национально ориентированного социализма. Все они в той или иной форме опираются на метафизический постулат Руссо о воле народа и возможности ее реализации через систему непосредственной демократии. На практике однако этот путь всегда вел к воспроизводству авторитаризма в новых, как правило более жестких, политических формах (77). Все сказанное показывает устойчивое воспроизведение в обществе сходных стереотипов решения социального вопроса. Возникнув первоначально в виде утопической теории "русского социализма", дававшей оригинальный синтез славянофильства и западничества в условиях модернизации, они в той или иной форме возникают всякий раз, когда общество стоит на пороге резких социальных изменений. Не случайно аналоги теории "русского социализма" существуют практически во всех развивающихся странах, интеллигенция которых, отвергая западную модель развития, ориентирует общество на быстрое достижение социального идеала. В этом смысле доктрина "русского социализма" была лишь первой в ряду многочисленных теорий национального социализма во многих странах мира. Широкое распространение этой идеологии в аграрных странах, переживающих революционный кризис, весьма знаменательно. Однако предлагаемое теорией "русского социализма" решение проблемы не перестало от этого быть утопией. Созданной западной цивилизацией концепции гражданского общества она противопоставляет архаичный коллективизм сельской общины, идею права как основного регулятора общественных отношений - неопределенный миф о социальной справедливости, индивидуализму - принцип всеобщего равенства, парламентской демократии - концепцию социального государства в виде государственного социализма, насаждаемого по заранее созданному плану. Реальным следствием реализации идеи "русского социализма" объективно могло стать и стало торжество традиционализма, отказ от европейского пути и чрезвычайно расточительный вариант социальных преобразований (78).

Проведенный анализ позволил установить наличие широкого спектра разнообразных точек зрения, представляющих различные направления в изучении русской интеллигенции, генезиса ее радикализма и предложенных концепций социального переустройства общества. В этой перспективе особое внимание уделяется теории "русского социализма" как поворотному этапу в истории революционной мысли. Это в свою очередь делает актуальным анализ творчества и идейного наследия Герцена, характеристики различных этапов его идейного развития. В центре дискуссии находится проблема оценки социального содержания взглядов Герцена, его теории "русского социализма", всей его революционной деятельности, определении их значения в истории русского революционного движения. В соответствии с этим изучению подвергаются прежде всего те стороны учения Герцена и те этапы его творчества, которые характеризуют его как революционного мыслителя, позволяют определить его место в развитии теории и практики революции по отношению к предшествующим и последующим этапам революционной борьбы, а также к его современникам и соратникам. Понятно, что речь идет не столько о практических взаимоотношениях и биографиях участников событий, хотя это также важно, сколько об истории отдельных контактов разных мыслителей, тех совместных поисках единой революционной теории, спорах, в которых формировалось революционное мировоззрение каждого из них. В истории этих идейных отношений Герцену принадлежит особая роль, поскольку в его творчестве были объединены взгляды многих представителей как западной, так и российской мысли, идеи, которые, имея утопический характер и будучи выражены в прекрасной литературной форме, отражали интересы самых широких слоев крестьянства и радикальной интеллигенции той переломной эпохи в истории Европы и России, когда на фоне революционных социальных сдвигов происходило формирование основных революционных теорий, которым было суждено господствовать и на последующих этапах революции.

Трактовка социализма Герценом интересна для нас сегодня в ряде отношений: во-первых, тем, что в отличие от марксизма, Герцен не противопоставлял задачи социального устройства и сохранения политической демократии; во-вторых, тем, что он связывал введение социализма с особенностями национального развития страны, рассматривая его как средство решения аграрного вопроса; в-третьих, тем, что его теория очень четко связана с проблемой радикальной социальной модернизации страны и в этом отношении составляет основу всей русской революционной традиции интеллигенции. Все это показывает важность конкретного определения основных идейных истоков, формирования, эволюции и итогов развития взглядов мыслителя, стоящего в центре революционных событий своего времени, во взглядах которого с наибольшей отчетливостью нашли выражение поиски революционного пути и который во многом определил направления развития последующей революционной мысли и революционной практики. Вот почему споры по этим вопросам продолжают оставаться актуальными в современном мире, что находит выражение в борьбе течений историографии, стремлении исследователей разных направлений интерпретировать творчество Герцена с позиций сегодняшнего дня и найти в его учении идеи, близкие нашим современникам. Этим в значительной мере объясняется тот живой и плодотворный характер дискуссии, широкий охват в ней разнообразных философских, социологических и исторических проблем, а также возникший в ее ходе интерес к моральным и этическим проблемам, который характеризует современную литературу о теории "русского социализма".

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Новейшая литература о русской интеллигенции представлена в кн.: Раев М. Россия за рубежом. История культуры русской эмиграции. 1919-1939. М., Прогресс-Академия, 1994; Weugau D. *Intelligenz und Dissens*. Gottingen, 1993.
2. Иванов-Разумник Р.В. История русской общественной мысли. Пг., 1918.
3. Медушевский А.Н. Утверждение абсолютизма в России. Сравнительное историческое исследование. М., Текст, 1994.
4. Баггер Х. Реформы Петра Великого. Обзор исследований. М., Прогресс, 1985.
5. Rogger H. *National Consciousness in eighteenth Century Russia*. Cambridge, 1960.
6. Милкоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1995. Т.Ш. Национализм и европеизм.
7. Dukes P. *The Making of Russian Absolutism*. L., Longman, 1989; Jones R. *The Emancipation of the Russian Nobility. 1762-1785*; Madariaga I. *Russia in the Age of Catherine the Great*. L., 1981. 8. Raeff M. *Origins of the Russian Intelligentsia. The Eighteenth Century Nobility*. Cambridge, Mass., 1967.
8. Пармehl К. *Freedom of Expression in Eighteenth Century Russia*. The Hague, 1971.
9. Harris R. *Absolutism and Enlightenment 1600-1789*. N.-Y., 1966; Lentin A. *Russia in the Eighteenth Century. From Peter the Great to Catherine the Great. 1696-1796*. L., 1973.
10. Gleason W. *Moral Idealists, Bureaucracy and Catherine the Great*. L., 1981.
11. Monnier A. *Un Publiciste frondeur sous Catherine II. Nicolas Novicov*. P., 1981.
12. Jones W. *Nikolay Novicov: Enlightener of Russia*. Cambridge, Univ. Press, 1984.
13. Yarmolinsky A. *Road to Revolution: A Century of Russian Radicalism*. L., 1957; Strada V. *URSS-Russia*. Milano, 1985.
14. Venturi F. *Studies in Free Russia*. L., Univ. of Chicago press, 1982.
15. Walicki A. *A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism*. Stanford. Univ. Press, 1979.
16. Connell A. *Russian Philosopher A. Radishev*. The Hague, 1964; Clardi L. *The Philosophical Ideas of A. Radishev*. N.-Y., 1964.
17. Сабенникова И.В. Общественная мысль России 30-40-х гг. XIX в. // Вопросы историографии и источниковедения дооктябрьского периода. М., 1992.
18. Сабенникова И.В. Дворянская интеллигенция и государство в первой половине XIX в. // Сословия и государственная власть в России XV- XIX вв. М., 1994.
19. Masaryk T. *The Spirit of Russia, Studies in History, Literature and Philosophy*. L., 1955. Vol. 1-2.
20. Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции. М., Новости, 1990.
21. *Study in Soviet Thought*, 1986. Vol. 30. N.4.
22. Hare R. *Pioneers of Russian Social Thought*. N.-Y., 1964; Pomper Ph. *The Russian Revolutionary Intelligentsia*. N.-Y., 1970; Berlin I. *Russian Thinkers*. N.-Y., 1978; Nahirny V. *The Russian Intelligentsia. From Torment to Silence*. L., 1983.
23. Lampert E. *Sons against Fathers. Studies in Russian Radicalism and Revolution*. Oxford, Clarendon Press, 1965.
24. Сабенникова И.В. Сословно-представительные учреждения в программах декабристов // Сословно-представительные учреждения России (XVIII- начало XX в.). М., 1993.
25. Россия и Германия. Опыт философского диалога. М., 1993.
26. Lampert E. *Studies in Rebellion*. L., 1957. P.30-31.
27. Пайпс Р. Русская революция. М., Роспэн, 1994. Т.1. Гл.4.
28. Broun E. *Stankevich and his Moscow Circle. 1830-1840*. Stanford, 1966.
29. Seddon J. *The Petrashevtsy: A Study of the Russian Revolutionaries of 1848*. Manchester. Univ. Press., 1985.
30. Saltman R. *The Social and Political Thought of Michael Bakunin*. Westport, 1983.
31. Этот тезис обоснован в кн.: Медушевский А.Н. История русской социологии. М., 1993. С.96.
32. Venturi F. *Il populismo russo*. Torino, 1972. P.1-3.
33. Pomper Ph. *The Russian Revolutionary Intelligentsia*. N.-Y., 1970. P.52.
34. Козьмин Б.П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961; Нечкина М.В. Встреча двух поколений. М., 1980.
35. Переломным этапом для размежевания социалистической и либеральной концепций в Западной Европе стала революция 1848 г. Подробнее см.: Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.
36. Malia M. *Alexander Herzen and the Birth of Russian Socialism. 1812-1855*. Cambridge, 1961. 38. Venturi F. *Op.Cit.* P.8-18.
37. Ланда С.С. Дух революционных преобразований. Из истории формирования идеологии и политической организации декабристов 1816-1835. М., 1975.
38. Эйдельман Н.Я. Герцен против самодержавия. М., 1973.

39. Partridge M. Alexander Herzen, 1812-1870. P. UNESCO, 1984., P. 13.
40. Pomper Ph. Op.Cit. P.42.
41. Malia M. Op.Cit. P.127.
42. Piroschkow V. Alexander Herzen. Der Zusammenbruch einer Utopie. Munchen, 1961.
43. Venturi F. Op.Cit. P.17-19.
44. Утопический социализм. М., 1982. С.42.
45. Kaplan F. Russian Fourierism of 1840's: A Contrast to Herzen's Westernism // The American Slavic and East European Review. 1958. Vol. 12. N.2. P.161-172.
46. Pomper Ph. Op.Cit. P.48.
47. Гулыга А.В. Шеллинг. М., 1982. С. 289.
48. Malia M. Op. Cit. P.69.
49. Partridge M. Op.Cit. P.21-25.
50. Malia M. Op.Cit. P. 229,236,181.
51. Acton E. Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. Cambridge, 1979. P.8-10.
52. Partridge M. Op.Cit. P.45.
53. Володин А.И. Гегель и русская социалистическая мысль XIX в. М., 1973; Пирумова Н.М. Александр Герцен. М., 1989.
54. Гегель и философия в России. 30-е годы XIX-20-е годы XX в. М., 1974.
55. Герцен и Запад. М., 1983.
56. Лотман Л.М. Реализм Русской литературы 60-х гг. XIX в. М., 1974. С.64.
57. Berlin I. Russian and 1848 // Russian Thinkers. N.-Y., 1978. P.4.
58. Malia M. Op.Cit. P. 341.
59. Булгаков Н.С. Душевная драма Герцена // От материализма к идеализму. Спб., 1903.
60. Mervaud M. Herzen et Proudon // Cahiers du monde Russe et Sovietique. P., 1971. Vol.12. N.1-2. P.110-188.
61. Berlin I. Op.Cit. P.83.
62. Смирнова З.В. Социальная философия А.И.Герцена. М., Наука, 1973. С.287-288.
63. Davison R. Herzen and Kierkegaard // Slav.Review. 1966. Vol. 25. N. 2. P. 210-214.
64. Lampert E. Herzen or Kierkegaard ? // Slav.Rev. 1966. Vol.25. N. 2. P. 191-214.
65. Blackham H. The Comparisons of Herzen with Kierkegaard: a Comment // Slav.Rev. 1966. Vol. 25. N.2. P. 215-216.
66. Pomper. Op.Cit. P.50.
67. Berlin I. Op.Cit.; Karpovich M. Chernyshevski between Socialism and Liberalism // Cahiers du monde Russe et Sovietique. P., 1960. Vol. 1. N. 4. P. 569-583.
68. Герцен о социализме. М., 1974. С. 81.
69. Пантин И.К., Плимак Е.Г., Хорос В.Г. Революционная традиция в России. 1783-1883. М., 1986. С.158-159.
70. Герцен А.И. Полн.собр.соч. в 30-ти томах; Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956; Летопись жизни и творчества А.И.Герцена. М., 1974.
71. Pomper Ph. Op.Cit. P.52,64.
72. Mervaud M. Op.Cit. P. 67,138-139.
73. Daughter of a Revolutionary. Natalie Herzen and the Bakunin-Nechayev Circle. Ed. by M.Confino. L., 1974; Пирумова Н.М., Черных В.А. Архив Бакунина // Освободительное движение в России. Саратов. 1978. Вып. 8.
74. Partridge M. Alexander Herzen. P. 133,125.
75. Медушевский А.Н. Демократия и тирания в новой и новейшей истории // Вопросы философии, 1993. N.10.
76. Либеральная концепция решения социального вопроса в России представлена в кн.: Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995.